

ПЛЕЙЛИСТ:

- «37 Stitches» Drowning Pool
- «And the World Was Gone» Snow Ghosts
- «Bad Company» FFDP
- «Beggin for Thread» Banks
- «Black Magic Woman» VCTRY5
- «Bloodletting
(The Vampire Song)» Concrete Blonde
- «Cannibal Song» Ministry
- «Cry Little Sister» Marilyn Manson
- «Dark Paradise» Lana Del Rey
- «Deathwish» Red Sun Rising
- «Don't Say a Word» Ellie Goulding
- «Fear the Fever» Digital Daggers
- «Girls Just Wanna Have Fun» Chromatics
- «Go to Hell» KMFDM
- «Go to War» Nothing More
- «Hater» Korn
- «Holy Water» LAUREL
- «Human» Rag'n'Bone Man
- «Is Your Love Strong
Enough» How to Destroy Angels
- «Me Against the Devil» The Relentless
- «Mouth» Bush
- «My Prerogative» Bobby Brown
- «Nothing Else Matters» Apocalyptica
- «Plastic Heart» Nostalgia
- «Season of the Witch» Donovan
- «Serenity» Godsmack
- «Seven Nation Army
(Glitch Mob Remix)» The White Stripes
- «Sleep Walk» Santo & Johnny
- «S.O.S. (Anything But Love)» Apocalyptica
(feat. Cristina Scabbia)
- «Something
Can Never Have» Nine Inch Nails
- «Then He Kissed Me» The Crystals
- «Voices» Motionless in White

*Посвящается
З. Кинг*

Есть причины для того, чтобы все было
так, как оно есть.

Брэм Стокер. «Дракула»

ГЛАВА 1

Уинтер

Мои пуанты скользят по деревянному полу, пока я медленно прохожу по длинному коридору, который освещают свечи, расставленные вдоль темных стен. Заламывая пальцы, осматриваюсь. Все двери вокруг закрыты.

Мне не нравится этот дом. Никогда не нравился.

По крайней мере, вечеринки проходят лишь дважды в год — после летних отчетных концертов и в честь ежегодной постановки «Щелкунчика» в декабре. Мадам Делова любит балет и как покровительница моей школы считает, что «одаривает простолудинов, изредка спускаясь со своей башни, чтобы развлечь нас, деревенщин, и впустить в свой особняк».

Ну, я однажды случайно подслушала, как это сказала моя мама.

Дом такой огромный — сомневаюсь, что мне когда-нибудь удастся осмотреть каждый его уголок. Он полон вещей, о которых люди постоянно восторженно перешептываются. Но я здесь нервничаю. При любом движении я боюсь что-нибудь сломать. К тому же тут слишком темно. Особенно сегодня, когда комнаты освещены только свечами. Думаю, Мадам хотела создать волшебную атмосферу, под стать ей самой: фарфоровую, идеальную, сюрреалистическую.

Я сжимаю губы, тихо шагаю и, решившись, зову:

— Мама?

Куда же она пропала?

Не знаю, где именно нахожусь и как вернусь на праздник, но я хочу найти маму. Я точно видела, как она

поднялась наверх. Думаю, в доме есть и третий этаж, но лестницу я не нашла. Зачем ей подниматься сюда? Ведь все гости внизу.

Я крепче стискиваю зубы и все дальше ухожу от банкетного зала. Света здесь меньше, голоса и музыка затихают, тихий мрак коридора постепенно поглощает меня.

Мне нужно вернуться. Она все равно разозлится из-за того, что я пошла за ней.

— Мам? — снова зову я. Костюм и колготки, в которых я провела целый день, неприятно натирают кожу. — Мама?

— Твою мать, что с тобой такое? — кричит кто-то. Я подсакиваю от неожиданности.

— Всем неловко рядом с тобой, — продолжает мужчина. — Ты просто стоишь на месте! Мы это уже обсуждали.

Заметив свет из приоткрытой двери, я крадусь ближе. Сомневаюсь, что мама там. Люди на нее не кричат.

И все же, вдруг она в той комнате?

— Что происходит в твоей голове? — рявкает мужчина. — Разве ты не можешь говорить? Совсем? Никогда?

Ему никто не отвечает. На кого он злится?

Прильнув к дверному проему, я заглядываю внутрь.

Поначалу не вижу ничего, кроме золота. Желтоватый свет золотой лампы отражается от позолоченного канцелярского набора. Но затем, сдвинувшись немного левее, с бешено колотящимся в груди сердцем, замечаю мужа Мадам — мистера Торренса. Он стоит у своего стола, тяжело дыша, сжав челюсти, и смотрит на кого-то.

— Господи Иисусе, — с презрением бросает мистер Торренс. — Мой сын! Наследник!.. Твой гребаный рот может хоть одно слово проронить? Тебе достаточно сказать: «Здравствуйте» и «Спасибо, что пришли». Ты неспособен ответить, даже когда тебе задают простые вопросы. Что с тобой не так, черт побери?

Мой сын. Мой наследник.

Я осторожно приседаю, а потом выпрямляюсь, пытаюсь разглядеть второго человека из-за двери,

но ничего не вижу. У Мадам и мистера Торренса есть сын. Правда, мы с ним редко встречаемся. Он ровесник моей сестры, только учится в католической школе.

— Говори! — вновь гремит его отец.

Резко вздохнув, я непроизвольно делаю шаг, однако случайно двигаюсь вперед, а не назад и задеваю дверь. Та со скрипом раскрывается чуть шире, и я отхожу назад.

О нет.

Я быстро разворачиваюсь, готовясь убежать, но не успеваю. Дверь открывается настежь, свет проливается в коридор, и надо мной нависает высокая тень. Кажется, я сейчас описаюсь, поэтому сжимаю бедра вместе. Медленно повернув голову, вижу мистера Торренса в темном костюме. Его хмурое лицо смягчается, он вздыхает.

— Привет, — говорит мистер Торренс, глядя на меня. Уголки его губ слегка приподнимаются.

Инстинктивно я делаю шаг назад.

— Я... я заблудилась. — Сглотнув, смотрю в его темные глаза. — Вы знаете, где моя мама? Я не могу ее найти.

Вдруг тот, кто был с ним в комнате, с силой распахивает дверь, из-за чего ручка ударяется о стену. Мальчик стремительно пролетает мимо отца, опустив голову. Черные волосы спадают ему на глаза, незатянутый галстук свисает с шеи. Он проносится, даже не взглянув на меня, и бежит вниз по лестнице.

Когда звук шагов затихает, я поворачиваюсь обратно к мистеру Торренсу.

Он улыбается, приседает на корточки, чтобы казаться со мной одного роста. Я отшатываюсь от него.

— Ты — дочь Марго, — произносит мужчина. — Уинтер, верно?

Кивнув, отвожу ногу назад, собираясь отступить еще на шаг.

В этот момент он протягивает руку и приподнимает пальцами мой подбородок.

— У тебя мамыны глаза.

Нет. Никто так не считает. Я вздергиваю голову, чтобы мистер Торренс не трогал меня.

— Сколько тебе лет? — интересуется он.

Муж Мадам снова обхватывает мой подбородок, поворачивает лицо сначала влево, потом вправо, оценивающе разглядывая меня. Его глаза опускаются к моему белому леотарду и пачке, от бедер к ступням. Затем мужчина неспешно поднимает взгляд и заглядывает мне прямо в глаза, но уже не улыбается. Что-то другое появляется в его выражении, пока он пристально смотрит на меня. Не знаю, в чем именно дело, в молчаливости мистера Торренса, в его внушительном росте или в том, что я больше не слышу звуков праздника, однако, завершив шаг, отстраняюсь еще на несколько сантиметров.

— Мне восемь, — бормочу в ответ, потупив взгляд.

Мне не нужна его помощь, чтобы найти маму. Мне просто хочется уйти отсюда как можно скорее. Он был очень груб со своим сыном. Мои родители не идеальны, но они никогда в жизни так не кричали на меня.

— В будущем ты станешь очень красивой, — добавляет мистер Торренс едва слышно. — Как твоя мама.

После нескольких попыток я наконец-то сглатываю ком в горле.

— Когда я впервые увидел свою жену, — продолжает он, — она была в костюме, очень похожем на твой.

Мне не нужно представлять, как Мадам выглядит в сценических костюмах. По всему дому и студии развешены ее фотографии и портреты.

Еще несколько секунд мистер Торренс не двигается с места, все так же нависает надо мной, не сводя глаз. Я чувствую себя неуютно.

Наконец, он опускает руку и делает вдох, будто очнувшись от забытья.

— Беги играть, — говорит он.

Развернувшись, я бросаюсь бежать туда, откуда только что пришла. Мне приходится оглянуться через плечо еще раз, чтобы удостовериться, что мистер Торренс далеко и не преследует меня. Но он идет дальше по коридору, открывает дверь прямо перед собой и останавливается на мгновение, словно кого-то увидев. Я уже начинаю отворачиваться, когда муж Мадам отходит чуть в сторону в дверном проеме, и замечаю ее.

Мою маму.

Я прищуриваюсь и моргаю, убеждаясь, что это действительно она. Белое нарядное платье, длинные волосы такого же цвета, как мои, игривая улыбка на губах...

Последнее, что я вижу, прежде чем дверь захлопывается, — мама движется ему навстречу. Щелчок замка эхом разносится вокруг, пока я стою в темном коридоре.

Мне следует уйти. Понятия не имею, что происходит, но думаю, что я не должна ее беспокоить. Развернувшись, сбегая вниз по лестнице, снова пересекаю фойе, направляясь к задней части дома, где проходит вечеринка.

Дверь черного хода открывается, входит официант с подносом, и я выскальзываю на улицу, проношусь по вымощенному камнем патио сквозь море взрослых. Меня окружают звуки разговоров; люди смеются, пьют, едят, в то время как в дальнем углу справа флейтистка в светло-голубом платье и струнный квартет исполняют «Времена года» Вивальди. Это произведение хорошо мне знакомо благодаря танцам.

Официанты убирают посуду, слышится звон бокалов. Подняв глаза к темнеющему небу, вижу, как облака закрывают солнце, бросая тень на патио. Идеальное время для свечей.

Я замечаю своих подружек, тоже одетых в белое, потому что перед вечеринкой мы участвовали в отчетном концерте. Они убегают за живую изгородь, сгрудившись вместе и хихикая, во главе с моей сестрой, которая старше меня на три года. Замешкавшись всего на секунду, я иду за ними. Обезжав вокруг изгороди, оказываюсь на газоне и резко останавливаюсь из-за порыва ветра, ударившего мне в лицо и всколыхнувшего ветви деревьев. По рукам бегут мурашки; я оглядываюсь назад, в сторону окон второго этажа, где только что была. Мама может пойти искать меня.

На празднике очень скучно, поэтому мои подруги пошли сюда. За особняком расстилается просторная лужайка, украшенная клумбами то тут, то там,

вдали виднеются деревья и покатые холмы. Похоже на картинку из сказки.

Развернувшись, я вижу свою сестру в тесном кругу с нашими одноклассниками. Что они делают? Она бросает взгляд на меня, ухмыляется, затем что-то быстро говорит девочкам, и все пускаются врассыпную по садовому лабиринту, скрываясь за высокими кустами.

— Подождите! — кричу я. — Ари, подожди меня!

Промчавшись по небольшому склону к лабиринту, я на мгновение останавливаюсь у входа и оглядываюсь по сторонам. Тропинка просматривается всего на несколько сантиметров вперед, до первого поворота, а я не видела, куда именно они побежали. Вдруг я потеряюсь?

Качаю головой. Нет. Тут нет ничего опасного. Если бы что и было, то хозяйева закрыли бы лабиринт. Верно?

Кучка детей только что вошла в него. Все в порядке.

И я вновь пускаюсь бежать. Ветер раскачивает кипарисы, серое небо и низкие тучи предвещают бурю. Волоски на моих руках встают дыбом. Свернув вправо, я теряю из виду вход и все дальше углубляюсь внутрь. С каждым вдохом легкие наполняются запахом земли. Несмотря на траву, грязь все равно попадает на мои пуанты, и я бегу неуверенно. После сегодняшней прогулки они точно придут в негодность.

Но Мадам сама настояла, чтобы мы остались в костюмах даже после представления.

Смех и вой разносятся эхом вдалеке. Я резко поднимаю голову и ускоряю шаг в направлении звука. Девчонки до сих пор где-то здесь.

Однако через минуту все затихает. Остановившись, я прислушиваюсь в попытке определить, где могут находиться моя сестра и подружки.

— Ари? — зову опять.

Но кроме меня тут никого нет.

Я нерешительно иду по тропинке и оказываюсь на зеленой площадке с большим фонтаном в центре.

Моя спальня в три раза меньше этой лужайки, окруженной высокими кипарисами. От нее отходят три разные дорожки. Это центр лабиринта?

Фонтан сложен из огромной серой чаши снизу и еще одной, чуть поменьше, сверху. Струя воды заполняет верхнюю чашу и спадает в нижнюю. Звук при этом получается такой красивый, умиротворяющий, будто громко журчит ручей.

Я шагаю вперед, опустив голову, врезаюсь в кого-то и отшатываюсь назад. Женщина поднимает руки вверх, выставив ладони вперед, и отстраняется, словно я грязная и она не хочет ко мне прикасаться.

Но улыбка смягчает удивленные глаза Мадам. Ее тело двигается с такой грацией и изяществом, как будто весь мир — театр, а она всегда на сцене.

— Привет, милая, — раздается приторный голос Мадам. — Тебе весело?

Сделав шаг назад, я опускаю глаза и киваю.

— Ты не видела моего сына? — спрашивает она. — Он любит вечеринки. Я не хочу, чтобы он все пропустил.

Он любит вечеринки? Похоже, его отец не согласится с этим.

Я собираюсь ответить «нет», но что-то вдруг привлекает мое внимание справа. Переведя взгляд и прищурившись, я всматриваюсь в темный силуэт... внутри фонтана.

Он сидит в нижней чаше, практически полностью скрытый потоками воды.

Дэймон. Их сын, которого совсем недавно отчитывали в доме.

После секундной заминки ложь сама срывается с губ:

— Нет. — Я качаю головой. — Нет, я не видела его, Мадам. Извините.

Не знаю, почему не говорю ей, что он здесь. Но, вспоминая, как отец наорал на Дэймона, думаю, что мальчик хочет, чтобы его оставили в покое.

Я не смотрю в глаза Мадам. Мне кажется, она поймет, что я солгала. Струющаяся юбка ее черного платья заканчивается на середине голени, а топ, облегающий стройное тело, украшен сверкающими стразами и жемчугом. Длинные черные волосы спадают

на спину, такие же гладкие и блестящие, как поток прохладной воды.

Ни разу не слышала, чтобы моя мама хорошо отзывалась о Мадам. Правда, хоть люди ее боятся, но они очень любезны с ней. Она выглядит не старше моей няни, но у нее уже есть ребенок, которому больше лет, чем мне.

Ничего так и не сказав, женщина проскальзывает мимо меня к выходу, а я стою неподвижно еще несколько секунд, гадая, не будет ли лучше уйти вместе с ней.

Только я не ухожу.

Знаю, Дэймон, наверное, никого не хочет видеть, но меня немного огорчает его одиночество.

Я медленно иду к фонтану. Всмотриваясь в потоки воды, пытаюсь разглядеть прячущегося за ней мальчика. Я вижу его черный пиджак и руки, которые он положил на колени. А его темные волосы падают на глаза и липнут к фарфоровым щекам.

Почему он сидит в фонтане?

— Дэймон? — робко произношу я. — С тобой все в порядке?

Мальчик ничего не отвечает, и даже за завесой воды я вижу, что он не двигается. Словно не услышал меня.

Прокашлявшись, повторяю громче:

— Почему ты тут сидишь? Можно мне тоже войти?

Я не собиралась этого говорить, однако меня охватило радостное волнение. Похоже, это весело, и в глубине души мне хочется утешить Дэймона.

Он поворачивает голову, смотрит в сторону, но затем отворачивается обратно.

Присмотревшись, я замечаю что-то красное. У него кровь на руке. Дэймон поранился?

Может, ему нужен лейкопластырь? Мне всегда хочется, чтобы мама была рядом и помогла наклеить пластырь, если поцарапаюсь.

— Я иногда вижу тебя в соборе. Ты ни разу не вкушал хлеб, да? — спрашиваю у него. — Когда весь ряд отправляется на причастие, ты остаешься сидеть на скамье. Совсем один.

Дэймон не двигается за водяной завесой. Точно как в церкви. Он остается на месте, пока остальные

прихожане проходят вперед по нефу, хотя ему по возрасту уже позволено участвовать. Помню, он проходил подготовку к первому причастию в одной группе с моей сестрой.

Нервно ерзая, я говорю:

— У меня тоже скоро состоится первое причастие. То есть должно состояться. Сначала нужно исповедаться, а мне эта часть не нравится.

Может, Дэймон по той же причине пропускает церемонию мессы. Без исповеди нельзя вкушать хлеб и вино. Если он не меньше моего ненавидит исповедоваться, то, вероятно, вообще пропускает весь обряд.

Я пытаюсь увидеть его глаза сквозь воду. Брызги попадают на мою кожу и костюм, волоски на руках встают дыбом. Мне тоже хочется туда зайти и осмотреться.

Только от Дэймона не чувствуется дружелюбия. Кто знает, что он сделает, если я проберусь к нему.

— Хочешь, чтобы я ушла? — Я наклоняю голову вбок, стараясь поймать его взгляд. — Я уйду, если ты этого хочешь. Просто мне не очень нравится в лабиринте. Моя глупая сестра все портит.

Она сбежала от меня с моими подругами, а мама... занята. Думаю, будет интересно посмотреть на фонтан изнутри.

Но, судя по виду, Дэймон не жаждет моей компании. Да и вообще никакой компании.

— Я уйду, — наконец, произношу я, пятясь назад, чтобы оставить мальчика в покое.

Однако когда я отворачиваюсь, слышится всплеск. Оглянувшись, вижу, что мальчик протягивает руку сквозь водопад, приглашая меня в свое укрытие.

Я колеблюсь. Его лицо, скрытое прилипшими волосами, все так же трудно различить. Посмотрев по сторонам, никого не обнаруживаю. Мама наверняка рассердится из-за того, что я промокла, но... мне хочется присоединиться к Дэймону.

Не сдержав улыбки, я протягиваю руку, обхватываю его холодные пальцы, поднимаю ногу и ступаю в чашу фонтана.

* * *

Это было так давно, но тот день навечно запечатлелся в моей памяти, потому что тогда я в последний раз видела лицо матери, свою спальню и новый декор, которым она украсила ее. Последний раз, когда я могла бежать куда вздумается, ведь на пути не было никакой опасности. Когда люди не нервничали в моем присутствии, когда для родителей я была любимой дочерью, а не обузой.

Тогда меня в последний раз без вопросов включали в любую компанию, и я могла наслаждаться фильмами, танцами или пьесами так, как полагается.

В тот день я в последний раз была собой, и он стал первым в новой необратимой реальности. Я не могла вернуться в прошлое. Не могла перемотать время вспять и не пойти в лабиринт, не забраться в фонтан.

Боже, я очень сожалела, что это сделала. Но от некоторых ошибок невозможно избавиться.

И вот, тринадцать лет спустя, стоя вместе с матерью рядом со старшей сестрой в день ее свадьбы, ощущая аромат ее парфюма, слушая бормотание священника о благословенном таинстве брака, я с трудом сдерживала отвращение. Старалась не вспоминать, как на одно счастливое мгновение тот фонтан поистине стал райским укрытием. Как мне хотелось оказаться там сейчас, лишь бы подальше отсюда.

Обмен кольцами, поцелуй, благословение...

И дело сделано. Моя сестра теперь замужем.

Желудок провалился куда-то вниз, в глазах защипало, когда я их закрыла. *Нет.*

Я не двигалась с места, слыша шорохи и шепот, в ожидании, когда мать подаст мне руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам и покинуть пустой собор.

Мне нужно на воздух. Нужно сбежать.

Только голоса матери и сестры удалялись от меня.

Те же самые холодные пальцы, к которым я потянулась в том фонтане много лет назад, коснулись моих.

— Теперь... — прошептал мне на ухо новоиспеченный муж сестры. — Теперь ты принадлежишь мне.